

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 4

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Гатин М.С., Абзалов Л.Ф., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. Эволюция статуса раиса в государствах Средневековья и Нового времени (опыт сравнительного анализа)	7
Горячев А.А. Захоронения кремированных останков в керамических урнах по материалам могильников эпохи бронзы Семиречья (Юго-Восточный Казахстан)	26
Марсадолов Л.С. О каменных изваяниях из Тувы (по материалам экспедиций Александра Даниловича Грача)	50
Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Черданцев С.В., Томилин М.А., Папин Д.В. Предварительные результаты палеогенетических исследований Бобровского грунтового могильника (леосостепной Алтай)	70
Ходжаева Н.Дж. К вопросу о семантике изображений на крышке сосуда с Тахти-Сангина	93
Шнайдер С.В., Холматов Н.У., Рахимжанова С.Ж., Федорченко А.Ю., Рендю У, Марковский Г.И. Неолитические материалы со стоянки Тепакуль-4 (Зеравшанский хребет, Узбекистан)	114

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Китинов Б.У. Туглук Тимур и особенности политico-религиозного развития Могулистана (середина XIV в. — начало XV в.)	137
Баимов А.Г., Тузбеков А.И. Эзотерики в археологическом пространстве Республики Башкортостан: нетнографическое исследование	165
Петров И.Г. Пища и связанные с ней запреты и ограничения в похоронно- поминальной обрядности чувашей	187
Садалова Т.М. О характеристиках богатырского лука в эпических сказаниях.....	205

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Ворошин С.Д. Репрезентации феномена святости в искусстве строгановских вотчин в контексте государственно-конфессиональной политики	220
Дашковский П.К., Ильин В.Н. Численный состав и классификация старообрядцев Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в. в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи	240
Чуркин М.К., Маткаrimова С.М., Абдуллаева Н.Б. Дискурс и практики переселенческого дела в Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX в.: этноконфессиональный аспект	259

ДЛЯ АВТОРОВ

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 4

Section I. ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Gatin M.S., Abzalov L.F., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu.</i> Evolution of the legal status of ra»is in the states of Medieval and Modern Ages (comparative analysis).....	7
<i>Goryachev A.A.</i> Cremated remains in ceramic urns from Bronze Age burials in South-Western Semirechye	26
<i>Marsadolov L.S.</i> On stone sculptures from Tuva (based on the materials of the expeditions of Aleksandr Danilovich Grach).....	50
<i>Khojaeva N.J.</i> On the semantics of images on the lid of a vessel from Takht-i Sangin	70
<i>Shnaider S.V., Kholmatov N.U., Rakhimzhanova S.Z., Fedorchenko A.Y., Rendu W., Markovskii G.I.</i> The Neolithic complex of the Tepakul-4 site (Zeravshan range, Uzbekistan)	93
<i>Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Tomilin M.A., Papin D.V.</i> Preliminary results of paleogenetic studies of the Bobrovsky ground burial (forest-steppe Altai)	114

Section II. ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Kitinov B.U.</i> Tughluk Timur and the Peculiarities of the Political and Religious Development of Moghulistan (mid-14th century — early 15th century)	137
<i>Baimov A.G., Tuzbekov A.I.</i> Esoterica in the archaeological space of the Republic of Bashkortostan: netnographic research	165
<i>Petrov I.G.</i> Food and related prohibitions in Chuvash funeral and memorial rites.....	187
<i>Sadalova T.M.</i> On the characteristics of the Heroic Bow in Epic Tales	205

Section III. RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSITIONAL RELATIONS

<i>Voroshin S.D.</i> The phenomenon of holiness and its representations in the art of Stroganov estates in the context of state-confessional policy	220
<i>Dashkovskiy P.K., Ilyin V.N.</i> Numerical structure and classification of the old believers of the Tomsk province in the last quarter of the 19 th — beginning of the 20 th centuries in the context of the state-confessional policy of the Russian empire	240
<i>Churkin M.K., Matkarimova S.M., Abdullaeva N.B.</i> Discourse and practices of migration in Turkestan region in the second half of the 19 th — early 20 th centuries: ethno-confessional aspect	259
FOR AUTHORS	280

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.2, 94 (47).031, 94 (55)

DOI 10.14258/nreur(2025)4-01

М. С. Гатин, Л. Ф. Абзалов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия);
Самаркандинский государственный университет имени Ш. Рашидова,
Самарканд (Узбекистан)

И. А. Мустакимов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия);
Национальная библиотека Республики Татарстан, Казань (Россия)

Р. Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург (Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ СТАТУСА РАИСА ГОСУДАРСТВАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

В статье прослеживается эволюция статуса раиса в мусульманских государствах в течение значительного временного периода, выявляются общие черты и принципиальные отличия этого института в разных государствах в различные эпохи. Авторы стремились выяснить, сохранились ли общие элементы статуса раиса в различных исторических условиях. Основу исследования составляют исторические источники: ярлыки (указы) правителей, исторические сочинения, политические и делопроизводственные трактаты, а также результаты ранее проведенных исследований, посвященных различным аспектам статуса раисов. Также в статье впервые вводится в русскоязычный научный оборот текст ярлыка о назначении раиса из трактата Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани «Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб» (1360-е гг.), который исследуется на междисциплинарном уровне, осуществляется его сопоставление с другими истори-

ческими и историко-правовыми источниками. Авторы используют такие методы исследования, как структурно-функциональный подход, историко-правовой анализ, сравнительно-исторический и сравнительно-правовой методы, институциональный подход.

Авторы приходят к выводу, что институт предполагал функционирование на разных уровнях — от центрального аппарата власти и управления до регионального и даже местного (как в случае с лицом, упомянутым в переведенном и проанализированном ярлыке). Тем не менее, все эти должности имели общие черты: это были чиновники, отвечавшие за поддержание связей между подвластными им людьми и органами государственной власти различного уровня, ответственные за поддержание порядка в подконтрольных им ведомствах или местностях, сбор и распределение налогов в пределах своей компетенции. Таким образом, представляется, что практически на любой из таких должностейrais определял смысл названия своей должности, означавшее «предводитель», «лидер», «начальник» и т.д.

Ключевые слова: мусульманские государства, Сельджукский султанат, государство хорезмшахов, монгольский Иран, ханства Средней Азии, ханские ярлыки, мусульманская администрация, шариат.

Для цитирования:

Гатин М. С., Абзалов Л. Ф., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. Эволюция статуса раиса в государствах Средневековья и Нового времени (опыт сравнительного анализа) // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 7–25. DOI 10.14258/nreur(2025)4–01.

Гатин Марат Салаватович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань (Россия); доцент Самаркандинского государственного университета имени Ш. Рашидова, Самарканда (Узбекистан). **Адрес для контактов:** marat_gata@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-7698-0450>

Абзалов Ленар Фиргатович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань (Россия); доцент Самаркандинского государственного университета имени Ш. Рашидова, Самарканда (Узбекистан). **Адрес для контактов:** len_afzal@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3952-6715>

Мустакимов Ильяс Альфредович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Казанского (Приволжского) федерального университета; ведущий научный сотрудник Национальной библиотеки Республики Татарстан, Казань (Россия). **Адрес для контактов:** imus2007@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-0052-5136>

Почекаев Роман Юлианович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** gpocheckaev@hse.ru; <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528>

M. S. Gatin, L. F. Abzalov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan (Russia);
Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand (Uzbekistan),

I. A. Mustakimov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan (Russia);
National Library of the Republic of Tatarstan, Kazan (Russia),

R. Yu. Pochekaev

HSE University, St. Petersburg (Russia)

EVOLUTION OF THE LEGAL STATUS OF RA'IS IN THE STATES OF MEDIEVAL AND MODERN AGES (COMPARATIVE ANALYSIS)

The research is devoted to the status of ra'is on in the different states during the long-term period with clarifying its specific features and similarities in the different states during different historical periods. Authors intend to find out the similar features of ra'is' status in different historical circumstances. The basic materials are historical sources including yariks (decrees) of rulers, historical chronicles, political and chancellery treatises as well as results of previous researches related to the different aspects of the status of ra'is. Also, it is the first Russian translation of the yarlik on the appointment of ra'is from the "Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib" by Muhammad b. Hindushah Nakhchivani (1360s), which is studied by using an interdisciplinary approach and comparison with other types of sources. Authors use structure functional analysis historical legal method6 comparative historical and comparative legal approach, institutional analysis.

Authors fins that an institution of ra'is was widespread in the Islamic states for a long time and could be used at the different levels of the state administrations: from the central government to the regional and local authorities (as it is reflected in the analyzed yarlik). Nevertheless, all these offices had similar features: these officials were in charge of contacts between their subordinates and the authorities, keeping the order in the institutions and areas under their control, collection and distribution of taxes within their powers. Thus, the institution of ra'is corresponded to the meaning of this term: chief, leader, head, etc.

Keywords: Muslim states, Seljuk sultanate, Khorezmian state, Mongol Iran, Central Asian khanates, khans' yariks, Islamic administration, Sharia.

For citation:

Gatin M. S., Abzalov L. F., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. Evolution of the legal status of ra'is in the states of Medieval and Modern Ages (comparative analysis). *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 4. P. 7–25 (in Russian). DOI. 10.14258/nreur(2025)4-01.

Gatin Marat Salavatovich, candidate of historical sciences, associate professor of the department of History of Tatarstan, anthropology and ethnography of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan (Russia); associate professor of the Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand (Uzbekistan). **Contact address:** marat_gata@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-7698-0450>

Abzalov Lenar Firgatovich, candidate of historical sciences, associate professor of the department of History of Tatarstan, anthropology and ethnography of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan (Russia); associate professor of the Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand (Uzbekistan). **Contact address:** len_afzal@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3952-6715>

Mustakimov Ilias Al'fredovich, candidate of historical sciences, associate professor of the department of History of Tatarstan, anthropology and ethnography of the Kazan (Volga Region) Federal University; leading researcher of the National Library of the Republic of Tatarstan, Kazan (Russia). **Contact address:** imus2007@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-0052-5136>

Pochekaev Roman Yulianovich, doctor of historical sciences, candidate of legal sciences, professor, head of the department of theory and history of law and state of the HSE University, St. Petersburg (Russia). **Contact address:** rpochekaev@hse.ru; <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528>

Введение

Обращаясь к вопросам истории власти и управления в государствах традиционного Востока, мы нередко сталкиваемся с тем, что те или иные государственные или административные институты могли существовать и функционировать на протяжении многих веков. Естественно, при этом они переживали весьма значительную эволюцию и в разных государствах на различных этапах их развития могли иметь совершенно различное применение.

Ярким примером этой тенденции является институт раиса. Слово «раис» является термином арабского происхождения и дословно переводится как «глава, вождь, предводитель». Этот термин в разных регионах мусульманского мира в разные периоды использовался для обозначения широкого спектра должностей — от капитанов судов и глав корпораций до высокопоставленных наместников регионов с широкой автономией. В настоящей статье предпринимается попытка проследить общие тенденции и выявить особенности эволюции института раиса как представителя власти в городах и провинциях в разных, преимущественно тюркских, государствах и регионах, а также ответить на вопрос, почему при столь разных статусах раиса в различных государствах и исторических периодах эта должность все же сохраняла свое изначальное название.

Статус и функции раиса в раннесредневековых мусульманских государствах

Уже на раннем этапе формирования мусульманской государственности так стали называть начальников поселений, городов или областей [The Encyclopaedia, 1995: 402]¹.

¹ В средневековых мусульманских сочинениях термином «раис» обозначали даже правителей городов и областей домусульманского времени (см., напр.: [Сиасет-намэ, 1949: 122, 205]).

Наибольшего развития институт раиса достигает в X–XII вв., когда в Арабском халифате у власти находились Буиды и Сельджуки, а в восточных мусульманских землях — Саманиды и Газневиды. Характерно, что при халифе ал-Кайме (1031–1075) первый министр именовался именно раисом — вернее, «раисом раисов» (*ra'is ar-ru'asa*) и лишь впоследствии стал называться визиром [Михайлова, 1990: 22, 58; The Encyclopaedia, 1995: 402].

Именно к этому периоду относятся многочисленные упоминания в источниках раисов городов Хорасана и Мавераннахра, которые активно участвовали в политической жизни государств, выступая либо как советники и соратники их правителей, либо же — как руководители заговоров против непопулярных монархов. Степень политического влияния раисов зависела от силы центральной власти, при усилении которой полномочия раисов ограничивались другими должностными лицами. Естественно, назначение наместников в таких крупных и стратегических важных городах находилось в руках самих правителей, которые старались их всячески контролировать [Материалы, 1939: 196, 236, 238, 291, 338, 345, 347, 379, 385, 395, 401, 427, 474, 477, 478, 484; Сиасет-намэ, 1949: 205, 213, 233, 271; Бартольд, 1962: 303, 350, 353, 383; The Encyclopaedia, 1995: 403].

Что же касается сравнительно небольших городов и селений, то в них раисы зачастую просто избирались населением из числа местной же знати [The Encyclopaedia, 1995: 402]. Центральные власти старались контролировать и этих наместников, однако, по мере ослабления государственной системы, этот контроль приобретал все более и более номинальный характер (вплоть до простого формального акта подтверждения избрания соответствующего раиса), фактически же такие городские начальники являлись главами местного самоуправления, нередко наследуя власть из поколения в поколение. Со временем эта тенденция обозначилась и в крупных городах — например, в Бухаре в XII — начале XIII в. пост раиса занимали ходжи из «рода Бурхана», носившие также титул «садр-и джехан» («столп мира») и пользовавшиеся уважением даже в халифском Багдаде [Бартольд, 1962: 293–294, 389–390, 417–418]². Как раз в это время складываются основы статуса раисов как лиц, осуществлявших не только административные функции в отношении подвластного им населения, но и являвшихся посредниками между этим населением и вышестоящими властями.

Вероятно, из-за того, что должности раисов могли занимать не только светские, но и духовные лица, уже в данный период в их полномочия стал входить надзор не только за порядком и сбором налогов в регионах, но и за соблюдением канонов шариата, религиозных запретов и пр.

Провинции (вилайат) Сельджукской державы подразделялись на округа или районы с соответствующими городскими центрами и подчиненными им сельскими волостями. Управление такими административными единицами обычно возлагалось на раисов, которые назначались непосредственно султанами, причем эти должности могли даже передаваться по наследству [Агаджанов, 1973: 90–91; Семенова, 1990: 68, 70]. В сельджукских документах XII в. «раисом» иногда называется и губернатор провинции, а так-

² Последний представитель этого рода был лишен должности раиса в результате восстания Махмуда Тараби в Бухаре в 1238 г. [Ata-Malik Juvaini: 112].

же глава религиозной общины. В сборнике «Атабат ал-кataba» представлены образцы четырех фирмансов (указов) назначения на должность раиса [Мунтаджаб ад-Дин, 1965: 43, 49, 64, 83]. Из них явствует, что круг обязанностей раиса, так же, как и некоторых других должностных лиц, не был четко определен, а каждый раз устанавливался в зависимости от конкретных обстоятельств, чаще всего, вероятно, от положения назначаемого лица и расположения к нему султана. Например, раис Мазендарана Тадж ад-Дин фактически оказывался его наместником, в его ведении находился весь полицейский, административный и фискальный аппарат [Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973: 326]. В другом случае Шараф ад-Дин, назначенный раисом Бистама, являлся одновременно главой дивана истифа. Раисы имели свои официальные учреждения, называвшиеся сарайи рийасат, или диван-и рийасат. Раисам подчинялись заместители и служащие различных других категорий (гумаштаган). Раисы имели право назначать, подвергать взысканиям или отстранять от дел низовую администрацию. Раисам округов непосредственно подчинялись деревенские главы (*rū'asa*) и старосты (*zū'ama*), которые были в основном выходцами из местных знатных фамилий. Раисы за свою службу получали государственное содержание в определенном размере (марсум). Выдача жалования производилась амилем из местных налоговых сборов. Подобно другим служащим державы Сельджукидов, раисам назначались также пенсии [Агаджанов, 1973: 93]. Раисы в сельджукскую эпоху обычно происходили из старинных знатных фамилий местного населения и передавали фактически свою должность по наследству [Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973: 327].

Меньше ясности с функциями раисов в государстве Хорезмшахов. В сборнике документов из канцелярии хорезмшахов «Ат-тавассуд ила-т-тарассуд», составленном Баха ад-Дином Багдади, содержится указ о пожаловании уроженцу Хорасана, родовитому эмиру Садр ад-Дину должности раиса вилайетов Дихистан и Джурджан. В обязанности раиса входил исправный сбор налогов в пользу государственной казны и защита населения Джурджана от набегов туркмен. В подчинении раиса находились наибы (наместники, заместители) и местный нобилитет в лице «айанов и знатных людей» [Баха ад-Дин, 1315: 122–125]. Учитывая, что государство Хорезмшахов выделилось из державы Сельджукидов, логично предположить, что в обеих империях функционал раисов был схожим [Horst, 1964: 54–56].

Уже во второй половине XII в. статус раисов в общегосударственном масштабе и даже на региональном уровне начинает снижаться. Это было связано с реформами султанов из династии Сельджуков, в результате которых значительная часть полномочий раисов как градоначальников была передана новым наместникам — шихнэ, а ряд контрольных функций по охране правопорядка и надзору за торговлей — мухтасибам [The Encyclopaedia, 1995: 402].

В результате институт раисов сохранился, но статус их оказался существенно урезан — прежде всего, в территориальном отношении. Например, в Багдаде в это время раисы являлись, по сути, квартальными надзирателями: они поддерживали порядок в кварталах и, вероятно, собирали налоги. Нет даже точных сведений, назначались ли они вышестоящими властями или избирались населением кварталов [Михайлова, 1990: 26]. В этот же период упоминаются и раисы деревень [Семенова, 1990: 49].

Статус раиса в монгольском Иране: ярлык из «Дастур ал-катиб»

Не отказались от института раисов в Иране и наследники прежних мусульманских правителей — Чингизиды. В государстве ильханов институт раиса продолжал действовать³, но, судя по всему, сохранилась и тенденция снижения его статуса: эти некогда высокопоставленные чиновники окончательно превратились в наместников мелких поселений. Подтверждением этому служит ярлык о назначении на должность раиса из трактата «Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), составленного в 1360-х гг. чиновником Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани.

Имея сведения о наличии раисов в Иране и Средней Азии монгольского периода, мы, к сожалению, не находим прямых указаний на то, что этот институт применялся также и в Золотой Орде (Улусе Джучи). Тем не менее, есть основания считать, что эти чиновники, функционировавшие практически во всем мусульманском мире, на территории Золотой Орды действовали по крайней мере в Хорезме. Неслучайно один из первых исследователей «Дастур ал-катиб», австрийский востоковед Й. фон Хаммер-Пургшталь включил немецкий перевод ярлыка о назначении раиса (наряду с 35 другими ярлыками из этого трактата) в приложение к своему труду по истории Золотой Орды. Соответственно, ниже мы, продолжая ранее начатое исследование, приводим переводы как с варианта Й. фон Хаммера, так и с оригинала.

Таблица 1

Перевод ярлыка о назначении на должность раиса из «Дастур ал-катиб»

Table 1

The translation of *yarlik* (edict) on the appointment of *ra'is* from the “*Dastu al-katib*”

<p>XXXVI. Грамота [ярлык] реису (сельско-му старосте), только один [образец] Поскольку реис Изеддин, который долгое время служил в качестве такого, прилагал все усилия, чтобы хорошо обращаться с подданными и защищать их от любых посягательств: то, настоящим ему подтверждается должность реиса, дабы он оберегал жителей вышеуказанным образом, поддерживал между ними равенство и справедливость, наилучшим образом собирая с подданных подати Дивана, передавал их сборщикам и распределял подати самым справедливым образом, чтобы бремя сильного не падало на слабого, дабы не препятствовал уходящим и приходящим [?], чтобы подданные не подвергались никаким притеснениям.</p>	<p>[Глава вторая. О предоставлении должностей и постов везирам, членам Великого Дивана и относящимся (=приравненным) к таковым.]</p> <p>Раздел двадцать четвертый. О препоручении должности раиса</p> <p>Поскольку раис Изз ад-Дин с давних пор является раисом такого-то селения, уделяет большое внимание покровительству подданным и благоустройству [селения], обеспечивает прибывающих и убывающих [чиновников?] наилучшим образом, препятствует притеснениям подданных и неимущих, должность раиса той местности препоручается ему с тем, чтобы в соответствии с прежним порядком он защищал население и жителей, поддерживал между ними равенство и справедливость, не чинил [в отношении них] насилие и [не взимал с них] лишнего; собранные с населения налоги и подати для государственной казны (букв. «установленные Диваном». — И. М.), в целости и сохранности (букв. «наилучшим образом». — И. М.) передавал мухассылям (правительственным чиновникам, ответственным за сбор налогов и податей. — И. М.);</p>
---	---

³ В частности, в адресате ярлыка Абу-Саида от 1320 г. имеется упоминание раисов по-монгольски передававшихся «irayis-ud» [Cleaves, 1953: 28, 62].

Окончание таблицы 1

<p>Он должен лично взять на себя ответственность за посевные поля, помогать земледельцам в получении полноценного орошения, остерегаться всякой несправедливости и предвзятости и вести такую жизнь, которая успокаивает сельских жителей и побуждает их возделывать свои поля. При всех обстоятельствах ему следует помнить о Боге и делах Дивана. Поэтому этот указ и вступает в силу, дабы мужи и управляющие (<i>kedchudajan</i>), подданные и крестьяне с началом этого года признавали его своим главой (реисом) и своим председателем (<i>pischwa</i>), [чтобы он] не отступал от своего слова и мнения, подтверждающее правильность дела подданных и сельскохозяйственной культуры, распределяя между собой обычные подати и их передавали ему [Hammer-Purstall, 1840: 515–516]⁴.</p>	<p>[дополнительные] налоги, взимаемые с селения, справедливо распределяя между его жителями так, чтобы бремя сильно не налагалось на слабого; чтобы он отправлял прибывающих и убывающих [гонцов и других чиновников?] удовлетворенными таким образом, чтобы это не создавало неудобств подданным. Пусть самолично помогает крестьянам с ирригацией, пока [их поля] не будут полностью орошены. Пусть остерегается предвзятого отношения и создаст такие условия жизни, которые станут причиной спокойствия жителей, дабы они прилагали старания к обустройству селения, строительству и земледелию. Пусть во всех делах имеет в виду [предписания] Господа Всевышнего и интересы Дивана. По этой причине сей указ вступает в силу с тем, чтобы арбабы, старосты, подданные и земледельцы селения с начала этого года, почитали его своим раисом и предводителем, не преступают его слов и решений, учитывающих интересы подданных и обустройство селения. Жалование, установленное для раиса, пусть [жители селения] собирают вскладчину и ежегодно ему выплачивают [Мухаммад ибн Хиндушах, 1976: 175–176 араб. паг.]⁵.</p>
--	---

Дипломатический анализ документа

С точки зрения дипломатики документы о назначении на должность в «Дастур ал-катиб» имеют одну более или менее единую форму, незначительно изменяющуюся в зависимости от достоинства и положения назначаемого лица. В ряде образцов Мухаммед б. Хиндушах приводит разные компоненты формуляра, в большинстве своем лишь корпуса документа, чаще всего наррацию и диспозицию, реже представлена преамбула и санкция. В некоторых из них можно видеть такой компонент начального протокола, как адресат [Matsukawa, 1995: 37–38], свойственный чингизидским актам, а также эсхатокол и аппрекацию. И в случае с раисом составитель «Дастур ал-катиб» приводит лишь наррацию и диспозицию, в рамках которой содержится и предписание должностным лицам (адхортация). Подтверждательный характер ярлыка находит свое выражение в нарративной части акта. Характерно, что автор «Дастура» приводит лишь один образец ярлыка, и при этом в анализируемом образце не представлена преамбула. Можно предположить, что эти факты в какой-то мере отражают статус раиса в административно-политической иерархии монгольского Ирана.

Если сравнить структуру данного ярлыка с образцами, приводимыми в сборнике «Атабат ал-катаба» эпохи султана Санджара (1118–1153), то можно обнаружить некоторые различия, основная суть которых заключается в том, что у Мунтаджаб ад-Дина ал-Джувойни даются значительно более пространные формулировки основных компонентов формуляра документа⁶. В то время как у Мухаммеда б. Хиндушаха мы можем наблюдать более лапидарные и конкретные выражения, что в целом свойственно чингизидской канцелярской практике.

⁴ Перевод на русский язык выполнен М. С. Гатиным.

⁵ Перевод на русский язык выполнен И. А. Мустакимовым.

⁶ Анализу формуларов образцов документов из «Атабат ал-катаба» посвящено специальное исследование [Купалидис, 1989].

Историко-правовой комментарий документа

Обращаясь к историко-правовому анализу ярлыка, мы можем сделать вывод, что раис в период правления Хулагуидов и Джалаиров в Иране и, по всей видимости, в современных им других чингизидских государствах являлся довольно мелким чиновником, полномочия которого распространялись на небольшие населенные пункты — преимущественно сельские с их округами — или родоплеменные подразделения⁷. Тот факт, что полномочия каждого раиса были незначительны, подтверждается парой писем Рашид ад-Дина, в которых он упоминает во множественном числе раисов вилайетов Сивас и Байат [Рашид ад-Дин, 1971: 206, 224]. Несомненно, речь идет об отдельных малых округах, в каждом из которых действовал свой раис.

Однако не следует приравнивать раиса к сельскому старосте⁸, который являлся избираемым главой местного самоуправления: из текста ярлыка очевидно, что раис утверждался вышестоящими властями (вплоть до указов-ярлыков самого правителя), а старосты были ему подчинены — точно так же, как арбабы (помещики-землевладельцы) и рядовые землевладельцы. В глазах же властей раис рассматривался именно как представитель администрации, в первую очередь подведомственный центральному исполнительному органу страны — Дивану: «Пусть во всех делах имеет в виду [предписания] Господа Всеышнего и интересы Дивана» (см. также: [Байани, 1381: 203])⁹. Это подтверждается другими документами из анализируемого нами источника: Научивани приводит также образцы писем конкретным раисам, в которых обладатели данной должности именуются «предводителями племен» и «предводителями округов», однако данные им распоряжения касаются конкретных вопросов управления теми или иными сельскими населениями — распашки земли, сбора урожая и пр. [Хатиби, 1985: 100–102].

Также отметим, что даже круг лиц, которые должны знать содержание ярлыка и следовать им, признавая полномочия раиса (т. е. адресаты ярлыка), весьма ограничен, в него не включаются никакие государственные чиновники. Лишь при описании обязанностей раиса упоминаются сборщики налогов «мухассыли», однако в тексте указа ничего не говорится о том, что они также должны признавать статус раиса, поскольку они ему не подчинялись.

Функции раиса, как видим, по сути, остались те же, какими эти чиновники обладали и в более ранние времена, когда имели куда более высокий статус. В частности, раис должен был поддерживать порядок в подконтрольном ему селении: «чтобы в соответствии с прежним порядком он... поддерживал между ними равенство и справедливость». Вторая постоянная обязанность раиса — сбор законно установленных на-

⁷ Другой ярлык о назначении данного чиновника, включенный в «Дастур ал-катиб» в качестве образца, выдан раису тюркского племени хаджи Ток-Тимуру (см. также: [Байани, 1381: 204]).

⁸ Таковые и в тексте анализируемого ярлыка, и в других источниках именовались «кедхуда» или «мухтар-и-дих» [Байани, 1381: 204; Петрушевский, 1958: 42; 1960: 253].

⁹ В связи с данным наблюдением нельзя не отметить, что в советской Татарии, Башкирии и Средней Азии раисами стали называть председателей колхозов (см., напр., [Бейсембиеv, 2009: 171]). Эти должностные лица обладали специфическим статусом: будучи избираемы на общем собрании колхозников, они, вместе с тем, утверждались соответствующими советскими органами и считались также представителями их интересов на своих предприятиях.

логов («Диваном»), включая также и «дополнительные»¹⁰ в пользу казны и передача их уполномоченным сборщикам (см. также: [Байани 1381: 203]).

Весьма любопытным представляется предписание в анализируемом ярлыке раису Изз ад-Дину, «чтобы... он защищал население и жителей», особенно в сочетании с одним из оснований его назначения на должность: «уделяет большое внимание покровительству подданным и благоустройству [селения], обеспечивает прибывающих и убывающих [чиновников?] наилучшим образом, препятствует притеснениям подданных и неимущих». Как представляется исходя из контекста, то речь идет как раз о статусе раиса как посредника между властями (чиновниками) и местным населением: с одной стороны, он должен был обеспечивать исполнение податным сословием своих обязанностей перед государством и его представителями, с другой же — защищать подвластных ему жителей от произвола властей и создавать условия для их эффективной трудовой деятельности, в результате которой они и могли бы в полной мере нести свои обязанности перед государством. Логичным дополнением к этому видится и присутствующее ниже предписание: «Пусть самолично помогает крестьянам с ирригацией, пока [их поля] не будут полностью орошены».

Наряду с предписаниями совершать определенные действия в отношении раиса устанавливаются также и некоторые ограничения, большинство которых связано с запретом злоупотреблять своими властными полномочиями в отношении подчиненных ему сельских жителей. Так, описывая административные и налоговые функции раиса, издатель ярлыка подчеркивает, «чтобы... он... не чинил [в отношении них] насилие и [не взимал с них] лишнего». А ниже, характеризуя его общий круг отношений с крестьянами, требует: «Пусть остерегается предвзятого отношения и создаст такие условия жизни, которые станут причиной спокойствия жителей, дабы они прилагали старания к обустройству селения, строительству и земледелию».

Любопытно отметить, что ни для самого раиса, ни для его подчиненных в документе не предусмотрены санкции за нарушение предписаний ярлыка. Впрочем, это характерно для многих образцов документов из «Дастур ал-катиб» и, по нашему мнению, свидетельствует о том, что в случае допущения таких нарушений на практике суды — дзаргучи или кади — сами определяли степень их тяжести и соответствующее наказание.

Изменение статуса раиса в эпоху позднего Средневековья и Нового времени

Теперь попытаемся ответить на вопрос, как изменился статус раиса в постмонгольском мире. Как отмечают исследователи, в сефевидском Иране институт раиса исчезает, а функции этих чиновников распределяются между другими администраторами и сборщиками налогов [The Encyclopaedia, 1995: 403].

Существенной эволюции подвергся статус раиса и в государствах Средней и Южной Азии. Так, в среднеазиатских ханствах эти чиновники вновь приобрели статус представителей руководства в системе административной и правоохранительной деятельности.

¹⁰ Вероятно, речь идет об экстраординарных налогах или ситуативных сборах — например, в пользу проезжающих через селение представителей правящего рода, высших государственных сановников, которые в русских переводах золотоордынских ярлыков именовались «дары», «поминки», «почестья» и т. п.

Российские современники, лично побывавшие в ханствах Средней Азии в XIX — начале XX в., оставили описания деятельности бухарских раисов, которые дважды в день выезжали в город в пышном одеянии и в сопровождении многочисленной свиты для инспекции состояния правопорядка в городе и в особенности деятельности рыночных торговцев. Н. В. Ханыков, побывавший в Бухаре в 1842 г., упоминал, что мясники, желавшие торговать мясом, должны были выдержать перед раисом экзамен, показав, что умеют правильно умерщвлять животных в соответствии с предписаниями шариата [Ханыков, 1844: 7–8]. А. А. Семенов в 1907 г. в той же Бухаре видел, как раис, обнаруживший, что один весьма солидного вида купец обмеривает покупателей, приказал тут же его раздеть и отхлестать плетьми. При этом, как отметил востоковед, количество ударов зависело не только от тяжести установленного нарушения, но и «настроения раиса» [Семенов, 1954: 46]. Судебные полномочия раиса были настолько значительны, что высшей инстанцией по отношению к нему являлся сам верховный судья ханства — кази ал-кузат [Абдураимов, 1966: 88]. В Хивинском ханстве начала XX в. столичный раис являлся главой городской администрации, управляющим городом и ведающим внутренними делами ханства [Баскаков, 1989: 64–65]. «[Раис —] в Хиве и Ташкенте род городничего или полицеймейстера, наблюдающего в городах за порядком, верностью весов и меры и за исполнением обрядов религии», — уточняется в словаре Л. З. Будагова [Будагов, 1869: 601].

При этом, если мы в приведенном выше переводе ярлыка не увидели ни намека на то, что раис контролировал также и духовную жизнь подконтрольного ему населения (за исключением стандартной формулы, что он сам «во всех делах имеет в виду [предписания] Господа Всевышнего»), то в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах этот чиновник весьма активно вмешивался в вопросы религиозной жизни и религиозного воспитания¹¹.

Поэтому нередко городские раисы также носили звание «кази-раис» или «ишан-раис», что отражало их принадлежность к духовному сословию и знание богословия [Абдураимов, 1966: 92; Бейсембиев, 2009: 60, 169, 685, 745; Семенов, 1954: 44–45]. Порой в небольших городах раисы могли занимать одновременно также должности кази или муфтия. Но чтобы они не злоупотребляли своими полномочиями, вышестоящие власти (и лично ханы) могли поручать такие должности сразу двум лицам, которые, таким образом, еще и контролировали друг друга. Для иллюстрации подобного подхода считаем целесообразным привести перевод ярлыка о назначении таких чиновников хивинским ханом Мухаммад-Амином II в середине XIX в.

«Он [Всевышний].

Абу-л-Музффар ва'-Мансур Абу-л-Гази Мухаммад Амин Бахадур-хан. Слово наше:

Так как справедливость и благочестие дамуллы¹² Мухаммада Мурада и дамуллы Мухаммада Нияза стали ясными и очевидными нашему взору, блистающему как солнце, мы восхвалили их и отличили нашей монаршей милостью и царственным вознагра-

¹¹ В бухарском трактате о чинах и званиях раисы упоминаются среди чиновников при улемах [Семенов, 1948: 148].

¹² Дамулла (домулло) — обращение к человеку, известному своей ученостью.

ждением и назначали их совместителями (*bi'l-ishtirak*) должностей кади и раиса города Кипчак вместо дамуллы Аваз-бая Ходжи и муллы Аваза Баки Махдума и пожаловали их этим царственным ярлыком, дабы они надлежащим образом, в соответствии со своей беспристрастностью и справедливостью стремились разбирать жалобы и тяжбы и заботились о вынесении приговоров и составлении судебных протоколов, распределяли наследство, устанавливали опеку над имуществом сирот. [Да будут они] наставлять мусульман в вере и обрядах, проверять имамов и муэдзинов, а также мальчиков, посланных в школы, кто из них небрежен в молитвах, и делать все, что в их власти, для усиления действия шариата. Отныне, как только жителям упомянутого города станет известно содержание этого ярлыка, они должны признавать вышеуказанных [лиц] в качестве совместителей на должностях кади и раиса и, если у них возникнут любого рода тяжбы, они должны разрешать их в их присутствии; и если они станут заключать брак, они должны регистрировать их у них (т. е. кади и раиса) и передавать [им] брачные контракты. И по вопросам правил шариата они (т. е. жители города) должны принимать распоряжения [данные] ими (т. е. кази и раисом) как приказы [обязательные для исполнения] и их воспрещения как запреты, [обязательные для соблюдения]; и они должны понимать, что, делая [что-то] вопреки содержанию этого высочайшего ярлыка, они навлекут на себя царственное наказание. А оба вышеуказанных кади должны обращаться с людьми таким образом, чтобы они могли дать честный ответ как если бы завтра настал «тот день, когда наступит расчет»¹³. Царственный ярлык написан [в год] 1266 хиджры, в стольном граде Хорезма [в месте] собраний, подобных райским, 18 числа первого месяца раби, в среду, соответствующему году Курицы 1266 [1850]»¹⁴ [Bregel, 2007: 42–43] (ср.: [Петров, 1959: 140–142]).

Исследователи вполне справедливо отмечают, что в рассматриваемый период раисы фактически стали аналогами мухтасибов [Абдураимов, 1966: 92; Бартольд, 1962: 294; Бейсембиев, 2009: 38, 797–798; Семенов, 1954: 45], по иронии истории вернув себе те самые функции, которые в свое время от них были переданы как раз этим самым мухтасибам. Соответственно, в качестве надзирателей за городским порядком, торговлей на базарах и религиозной жизнью мусульман они обладали широкими полномочиями. Так, они имели право запрашивать у имамов информацию о лицах, пропустивших молитву, проверять, преподают ли учителя медресе учащимся без искажения канона, а также и знания самих учащихся. За любые нарушения или незнание основ шариата, молитв и прочего раисы также имели право приговаривать к телесным наказаниям, иногда — весьма тяжелым, которые могли кончиться смертью нарушителя. Соблюдение канонов ислама и шариата понималось как гарантия стабильности самих основ государственности — ведь именно за ее обеспечение раис нес ответственность перед мо-

¹³ Коран, сура 14.

¹⁴ Перевод на русский язык выполнен Р.Ю. Почекаевым. Ю.Э. Брегель также публикует ярлык того же хана 1854 г. о назначении в Хазарасп раиса, который в то же время являлся и муфтием и также должен был делить свои обязанности с двумя другими чиновниками [Bregel, 2007: 44].

нархом¹⁵. Такая практика существовала в рассматриваемый период в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах, Ташкентском владении, Кашгаре и т.д. [Бейсембиев, 2009: 40, 797–798, 951–952]. Впрочем, учитывая, насколько плотно пронизывал шариат жизнь мусульман в традиционных исламских обществах, вряд ли можно счесть удивительным, что законность и правопорядок тесно соотносились с религиозным благочестием. Поэтому весьма логичным в глазах властей и населения было сочетание в деятельности раисов контроля и за торговлей, и за посещением мечетей или знанием молитв.

Надо сказать, что должность раиса в Средней Азии рассматривалась как весьма почетная, и ее обладатели весьма гордились своим статусом. Например, Ходжа Самандар Термези, автор «Дастур ал-мулук» («Назидание государям»), живший во второй половине XVII — начале XVIII в., дважды назначался на должность раиса города Карши, и в своем трактате он неоднократно именует себя раисом и также обращается в своих посланиях к некоторым корреспондентам [Ходжа Самандар, 1971: 6] (см. также: [Абдураимов, 1966: 21]).

А вот в Индии эпохи тюркских династий — Мамлюков, Тоглукидов и Великих Моголов — отношение к раисам было не столь уважительным. Так, например, делийский султан XIII в. Гийас ад-Дин Балбан, назначив на должность базарного раиса в Дели некоего Фахра Пани, выходца из купеческого сословия, резко отказал ему в аудиенции, заявив, что «раис и эмир базара» является лицом слишком низкого происхождения, и общение с ним может унизить султана [Ашрафян, 1960: 184]. Из этого примера видно, что в средневековой Индии раисы, как и в других мусульманских государствах, осуществляли правоохранительную деятельность и контроль торговли¹⁶.

В империи Великих Моголов раисы в большей степени являлись, как и в монгольский период, начальниками небольших населенных пунктов и стремились сделать свои должности наследственными. Не обладая высоким авторитетом в глазах знати, тем не менее, для населения соответствующей округи они являлись начальниками, которым следовало беспрекословно повиноваться. Поэтому нередко те или иные представители знати или зажиточных слоев общества старались учредить вакф, полагая, что это повысит их шансы получить должность раиса и, соответственно, закрепить ее за своим семейством. Британская администрация на раннем этапе своего господства в Индии, как и предыдущие правители, считала деятельность раисов полезной (опять же — в качестве посредников между простым населением и властями) и даже сумела привести их статус в соответствие с колониальным законодательством. Однако со временем этот институт был признан устаревшим и в начале XX в. фактически отменен [Kozlowski, 1985: 47–48, 51, 58–59, 75, 79, 190, 193].

В Османской империи на региональном уровне действовали представители власти, называвшиеся «раис-и аян», это были предводители знати конкретных эялетов, помогавшей бейлербеям в управлении регионами. Как представляется, именно этот инсти-

¹⁵ А. А. Семенов приводит текст донесения бухарского раиса эмиру Бухары, в котором он с удовлетворением констатирует, что группа студентов по итогам устроенной им проверки продемонстрировала удовлетворительное знание основ шариата [Семенов, 1954: 47].

¹⁶ Ибн Баттута прямо указывает, что известный ему мухтасиб в Индии называется раисом [Voyages, 1855: 184].

тут по статусу был ближе всех к раисам, функционировавшим до XII в. включительно: оказывая содействие властям, такой раис-и аян, вероятно, представлял перед ними и интересы местного населения. Неслучайно закон об эялетах, принятый в 1864 г., предписывал ввести органы местного самоуправления (аналог современных муниципалитетов) во главе с раисами [История, 2006: 186, 248]¹⁷.

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, мы можем констатировать, что термин «раис» (араб. «председатель; вождь; предводитель») в мусульманских странах в разные периоды времени обозначал широкий спектр должностей. В монгольском Иране раисы являлись наместниками небольших селений или вождями немонгольских кочевых племен. Несомненно, что должность раиса в системе управления Хорасана была заимствована монголами из управленческой/административной практики Сельджукского государства и государства Хорезмшахов. В отличие от этих государств, в монгольском Иране раисы не назначались предводителями крупных городов и областей, а их обязанности в публикуемом образце ярлыка расписаны более четко по сравнению с предыдущим периодом.

Скорее всего, снижение статуса раисов связано с политикой централизации власти как у поздних Сельджуков, так и у персидских монголов: правители старались лишить представителей региональных элит возможностей реализовать свои стремления к автономии или даже сепаратистские намерения путем лишения их прежних рычагов власти и управления. В дальнейшем, как подтверждает проведенный анализ, их полномочия были расширены в сфере административного и религиозного контроля, однако прежних обширных властных полномочий раисы так и не вернули.

Несмотря на различия статуса раисов на разных этапах функционирования этого института, можно уверенно заключить, что всех их объединяли, как минимум, две общие черты. Во-первых, эти чиновники выступали своеобразными посредниками между государством и простым населением, с одной стороны, представляя интересы властей (путем сбора налогов, контроля правопорядка и т.д.), с другой же — защищая податное сословие от притеснений и злоупотреблений со стороны этих самых властей. Во-вторых, в глазах своих подчиненных они обладали высоким авторитетом, и их властные предписания должны были неукоснительно соблюдаться. Именно это обстоятельство, полагаем, стимулировало амбициозных лиц стремиться к должности раиса даже если речь шла о том, чтобы контролировать небольшое поселение.

Наличие раисов в других монгольских улусах (по крайней мере, в Хорезме и Мавераннахре) косвенным образом подтверждается бытованием этой должности в среднеазиатских государствах (Бухарском, Хивинском, Коκандском ханствах) в XVII — начале XX в. Хотя раисы в них получили ряд дополнительных судебно-духовных функций, основные их административные обязанности оставались прежними.

¹⁷ Раисами с XVII в. также называли предводителей племен, тем самым в какой-то мере вернувшись к исходному значению этого термина у раннесредневековых арабов [Гордлевский, 1960: 91].

Благодарности и финансирование

Издание осуществлено при поддержке Фонда Ибн Сины и на основании конкурса на соискание грантов имени Ибн Сины. № проекта: 2025.02.07.

Acknowledgements and funding

The study was supported by Ibn Sina Foundation and on a base of competition for the search of grants named after Ibn Sina. Project no.: 2025.02.07.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдураимов М.А. Очерк аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в. Ташкент : Фан, 1966. Т. I. 369 с.

Агаджанов С.Г. Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. Ашхабад : Ылым, 1973. 164 с.

Ашрафян К.З. Делийский султанат. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. 256 с.

Бартольд В.В. Сочинения. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М. : Изд-во восточной литературы, 1962. Т. I. 760 с.

Баскаков Н.А. Титулы и звания в социальной структуре бывшего Хивинского ханства // Советская тюркология. 1989. № 1. С. 63–70.

Бейсембиев Т.К. Кокандская историография. Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. Алматы : Print-S, 2009. 1263 с.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л. : Наука, 1973. 394 с.

Будагов Л.З. Справительный словарь турецко-татарских наречий. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1869. Т. I. 820 с.

Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии // В.А. Гордлевский. Избранные сочинения. Исторические работы. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. Т. I. С. 29–318.

История Османского государства, общества и цивилизации / под ред. Э. Ихсаноглу. М. : Восточная литература, 2006. Т. I. 602 с.

Курпалидис Г.М. О языке и структуре сельджукских официальных грамот «Атабат ал-Катаба» // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М. : Наука, 1989. Вып. 1. С. 128–136.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1: VII–XV вв. Арабские и персидские источники / под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.

Михайлова И. Б. Средневековый Багдад. М. : Наука, 1990. 157 с.

Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайнини. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба). М. : Наука, 1965. 160 с.

Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Дастан ал-катиб фи тайин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней). М. : Наука, 1976. Т. II. 526 с.

Петров Н. П. Бухарский муҳтасиб в начале XX века // Проблемы востоковедения. 1959. № 1. С. 139–142.

Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 492 с.

- Петрушевский И. П. К истории сельского поселения и сельской общины в Иране XIII–XV вв. // Ученые записки Института востоковедения. 1958. Т. XVI. С. 31–51.
- Рашид ад-Дин. Переписка. М. : Наука, 1971. 500 с.
- Семенов А.А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре // Советское востоковедение. 1948. Вып. V. С. 137–154.
- Семенов А.А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени (Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. II). Сталинабад : Изд-во АН ТаджССР, 1954. 75 с.
- Семенова Л.А. Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период. М. : Наука, 1990. 248 с.
- Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 380 с.
- Ханыков Н.В. Городское управление в Средней Азии // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Ч. VI. 14 с.
- Хатиби С. Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад : Ылым, 1985. 134 с.
- Ходжа Самандар Термези. Дастан ал-мулук (Насидание государям). М. : Наука, 1971. 400 с.
- Ata-Malik Juvaini. The History of the World-Conqueror. Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 p.
- Bregel Yu. Documents from the khanate of Khiva (17th–19th centuries). Bloomington: Indiana University, 2007. 73 p.
- Cleaves F. W. The Mongolian Documents in the Musée de Téhéran. Harvard Journal of Asiatic Studies. 1953. Vol. 16. № 1–2. P. 1–107.
- Kozlowski G. C. Muslim endowments and society in British India. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 211 p.
- The Encyclopaedia of Islam / ed. by C. E. Bosworth et al. Leiden: Brill, 1995. Vol. 1. 1056 p.
- Hammer-Purgstall J. von [Хаммер-Пургшталь Й. фон]. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland [История Золотой Орды в Кыпчаке, то есть: монголов в России]. Pesth [Пешт]: C. A. Hartleben's Verlag [Издательство С. А. Хартлебена], 1840, 683 p. (на нем. яз.).
- Horst H. von. Die Staatsverwaltung der Grosselğūqen und Ḫōrāzmšāhs (1038–1231): eine Untersuchung nach Urkundenformularen der Zeit. Wiesbaden: Steiner, 1964. 191 s. (на нем. яз.).
- Voyages d'Ibn Batoutah [Путешествия Ибн Баттуты]. / Trad. par C. Defremery et B. R. Sanguinetti [Пер. К. Дефремери и Б. Р. Сангинетти]. Paris [Париж]: L'Imprimerie imperial [Императорская типография], 1855. Т. III. 476 p. (на фр. яз.).
- Байани Ш. Тарих-и ал-и Джалаир. Тихран: Интишарат-и Данишгах-и Тихран, 1381. 472 с. (на перс. яз.).
- Баха ад-Дин Мухаммад б. Муайяд Багдади. Ат-тавассул ила-т-тарассул. Тихран: Ширкат-и саххами-и чап, 1315. 389 с. (на перс. яз.).

Matsukawa S. Format of the Great Chans Order. Machikaneyama Ronso. History Edition. 1995. Vol. 29. P. 25–52. Osaka University Knowledge Archive: OUKA. URL: <https://hdl.handle.net/11094/48030> (дата обращения: 01.08.2024) (на яп. яз.).

References

- Abduraimov M.A. *Ocherk agrarnykh otnoshenii v Bukharskom khanstve v XVI-pervoi polovine XIX v.* [Essay on the rural relations in the Khanate of Bukhara in 16th — first half of 19th c.]. Tashkent: Fan Publ., 1966, vol. I, 369 p. (in Russian).
- Agadzhanyan S.G. *Sel'dzhukidy i Turkmeniya v XI–XII vv.* [Seljukids and Turkmenistan in the 11th-12th cc.]. Ashkhabat: Ylym Publ., 1973, 164 p. (In Russian).
- Ashrafyany K.Z. *Deliyskii sultanat* [Sultanate of Delhi]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1960, 256 p. (in Russian).
- Bartol'd V.V. *Sochineniya. Tom I. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya* [Collected works. Vol. 1. Turkestan down to the Mongol invasion]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1962, 760 p. (in Russian).
- Baskakov N.A. Tituly i zvaniya v sotsial'noi strukture byvshego Khivinskogo khanstva [Titles and ranks in the social structure of the former Khanate of Khiva]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkic Studies], 1989, no. 1, pp. 63–70 (in Russian).
- Belenitsky A. M., Bentovich I. B., Bolshakov O. G. *Srednevekovii gorod Srednei Azii* [Medieval city of Central Asia]. Leningrad: Nauka Publ., 1973, 394 p. (in Russian).
- Beysembiev T.K. *Kokandskaya istoriografiya. Issledovanie po istochnikovedeniyu Srednei Azii XVIII–XIX vekov* [Khoqand historiography. Examination of the source study of the Central Asia of 18th-19th centuries]. Almaty: Print-S Publ., 2009, 1263 p. (in Russian).
- Budagov L.Z. *Sravnitel'nii slovar' turetsko-tatarskikh narechii* [Comparative dictionary of Turkic-Tatar dialects]. St. Petersburg: Imperial Academy of Science Press, 1869, vol. I, 820 p. (in Russian).
- Gordlevskiy V.A. Gosudarstvo Sel'dzhukidov Maloi Azii [State of Seljuks in the Asia Minor]. *Izbrannye sochineniya. T.I. Istoricheskie raboty* [Selected works. Vol. 1. Historical studies]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1960, pp. 29–318 (in Russian).
- Khoja Samandar Termezi. *Dastur al-muluk (Nazidanie gosudaryam)*. Moscow: Nauka Publ., 1971, 400 p. (in Russian, in Persian).
- Ikhsanoglu E. (ed.). *Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii* [History of the Ottoman state, society and civilization]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2006, vol. I, 602 p. (in Russian).
- Khanykov N.V. Gorodskoe upravlenie v Srednei Azii [City administration in the Central Asia]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs], 1844, no. 6, 14 p. (in Russian).
- Khatibi S. *Persidskie dokumental'nye istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Khorasana XIII–XIV vv.* [Persian documental sources on the social political history of Khorasan of 13th-14th cc.]. Ashkhabad: Ylym, 1985, 134 p. (in Russian).
- Kurpalidis G.M. Kurpalidis G.M. O yazyke i strukture sel'dzhukskikh ofitsial'nykh gramot "Atabat al-Kataba" [On the language and structure of the Seljuk official charters "Atabat al-Kataba"]. *Vostochnoe istoricheskoe istochnikovedenie i spetsial'nye istoricheskie distsipliny*

[Eastern historical source studies and special historical disciplines]. Moscow: Nauka Publ., 1989, iss. 1, pp. 128–136 (in Russian).

Mikhaylova I. B. *Srednevekovyi Bagdad* [Medieval Baghdad]. Moscow: Nauka Publ., 1990, 157 p. (in Russian).

Muntajab ad-Din Badi Atabek al-Dzhuvayni. *Stupeni sovershenstvovaniya katibov (Atabat al-kataba)* [Stages of improvement of katibs]. Moscow: Nauka Publ., 1965, 160 p. (in Russian).

Petrov N. P. Bukharskii mukhtasib v nachale XX veka [Bukharan mukhtasib at the beginning of the 20th century]. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of the oriental studies], 1959, no. 1, pp. 139–142 (in Russian).

Petrushevskiy I. P. K istorii sel'skogo poseleniya i sel'skoi obshchiny v Irane XIII–XV vv. [On history of rural settlement and rural community in Iran of 13th–15th cc.]. *Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies], 1958, vol. 16, pp. 31–51 (in Russian).

Petrushevskiy I. P. *Zemledelie i agrarnye otnosheniya v Irane XIII–XIV vekov* [Agriculture and agrarian relations in Iran of 13th–14th centuries]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1960, 492 p. (In Russian).

Rashid ad-Din. *Perepiska* [Correspondence]. Moscow: Nauka, 1971, 500 p. (In Russian).

Semenov A. A. Bukharskiy traktat o chinakh i zvaniyakh i ob obyazannostyakh nositelei ikh v srednevekovoi Bukhare [Bukharan treatise on titles and ranks and on the functions of their holders in the medieval Bukhara]. *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies], 1948, iss. 5, pp. 137–154 (in Russian).

Semenov A. A. *Ocherk ustroistva tsentral'nogo administrativnogo upravleniya Bukharskogo khanstva pozdneyshego vremeni* [Essay on the structure of central administration of the Khanate of Bukhara of the latest time]. Stalinabad: Academy of Sciences of Tajik SSR Press, 1954, 75 p. (In Russian).

Semenova L. A. *Iz istorii srednevekovoi Sirii. Sel'dzhukskii period* [From the history of medieval Syria. Seljuq period]. Moscow: Nauka, 1990, 248 p. (In Russian).

Volin S. L., Romaskevich A. A., Yakubovskiy A. Yu. (eds.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii. T. 1: VII–XV vv. Arabskie i persidskie istochniki* [Materials on history of Turkmen and Turkmenia. Vol. 1: 7th–15th cc. Arabian and Persian sources]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1939, 612 p. (in Russian).

Siaset-name. Kniga o pravlenii vazira XI stoletiya Nizam al-Mul'ka [Book on the rule by Nizam al-Mulk, the vizier of the 11th century]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1949, 380 p. (in Russian).

Ata-Malik Juvaini. *The History of the World-Conqueror*. Manchester: Manchester University Press, 1997, 763 p. (in English).

Bosworth C. E. et al. (eds). *The Encyclopaedia of Islam*. Leiden: Brill, 1995, vol. VIII, 1056 p. (in English).

Bregel Yu. *Documents from the khanate of Khiva (17th-19th centuries)*. Bloomington: Indiana University, 2007, 73 p. (in English).

Cleaves F. W. The Mongolian Documents in the Musée de Téhéran. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1953, vol. 16, no. 1–2, pp. 1–107 (in English).

Kozlowski G. C. *Muslim endowments and society in British India*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, 211 p. (in English).

Hammer-Purgstall J. von. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland* [History of the Golden Horde in Kipchak, that is: The Mongols in Russia]. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840, 683 p. (In German).

Horst H. von *Die Staatsverwaltung der Grosselğūqen und Ḥōrāzmšāhs (1038–1231): eine Untersuchung nach Urkundenformularien der Zeit* [The State Administration of the Great Seljuqs and Khwarazmshahs (1038–1231): An Investigation Based on Documentary Formularies of the Period]. Wiesbaden: Steiner, 1964, 191 p. (in German).

Voyages d'Ibn Batoutah [The Travels of Ibn Battuta]. Paris: L'Imprimerie imperiale, 1855, vol. III, 476 p. (in French).

Baha' al-Din Muhammad b. Mu'ayyad Baghdadi. *al-Tawassul ila al-tarassul* [Book of the search for access to the official correspondence]. Tehran: Shirkat-i sahami-yi chap Publ., 1315, 389 p. (in Persian).

Bayani Sh. *Tarikh-i al-i Dzhalair* [The History of Alle-Jallayer]. Tehran: University of Tehran Press, 1381, 472 p. (in Persian).

Matsukawa S. Format of the Great Chans Order. *Machikaneyama Ronso. History Edition*, 1995, 29, pp. 25–52. URL: <https://hdl.handle.net/11094/48030> (accessed at: August 1, 2024) (in Japanese).

Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. *Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib* (Rukovodstvo dlya pisca pri opredelenii stepenej) [A Scribe's Guide to Determining Degrees], Moscow: Nauka, 1976, vol. II, 526 p. (in Persian).

Статья поступила в редакцию: 06.09.2024

Принята к публикации: 10.08.2025

Дата публикации: 29.12.2025